

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

ПАРИЖСКИЙ СЦЕНАРИЙ

Часть сборника: 1001 день, или Новая Шахерезада (сборник)

Евгений Петров
Илья Ильф
Парижский сценарий
Серия «Сценарии»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174028

1001 день, или Новая Шахерезада: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-27789-6

Аннотация

«Молодой парижский служащий просыпается в своей комнате в тот сумрачный час, когда люди готовятся идти на работу. Первый взгляд его падает на календарь. 13-е число. Плохая примета. Он переводит взгляд. Пятница. Еще хуже. Хмурый, он подымается с постели и уже с ужасом замечает, что встал с левой ноги. День не предвещает ничего доброго...»

Илья Ильф, Евгений Петров

Парижский сценарий

Сценарий звукового кинофильма

Молодой парижский служащий просыпается в своей комнате в тот сумрачный час, когда люди готовятся идти на работу.

Первый взгляд его падает на календарь. 13-е число. Плохая примета. Он переводит взгляд. Пятница. Еще хуже.

Хмурый, он подымается с постели и уже с ужасом замечает, что встал с левой ноги. День не предвещает ничего доброго.

Он выходит на улицу. Плохие приметы обрушиваются одна за другой: кошка перебегает дорогу, навстречу идет священник, похороны преграждают путь.

Служащего пугает это невероятное стечение примет.

Он спускается в метро. Покупает газету.

Входит в вагон. Садится. Закрыв глаза, гадает на пальцах. Снова неудача – пальцы не сходятся.

В полном отчаянии разворачивает газету и видит, что выиграл пять миллионов франков.

Вынимает билет. Сравнивает. Все правильно. Вытаращив

глаза, он смотрит то на газету, то на билет. Он совершенно позабывает об окружающем.

Над ним, в тесноте вагона, стоит девушка. Она раскрывает сумочку, чтобы попудриться, и случайно роняет свой платочек на колени счастлиливца.

Девушка хочет взять платочек, но он лежит так неудобно, что она внезапно смущается и отдергивает руку.

Счастливец ничего этого не замечает.

Пассажиры переглядываются и начинают улыбаться.

Девушка смущается еще больше. Публика с интересом ждет, чем все это кончится. Счастливец отрывает наконец глаза от газеты. Он замечает, что все, усмехаясь, смотрят на его колени.

Он опускает глаза, видит что-то белое и судорожно записывает платочек в штаны, думая, что это высунувшийся конец нижней рубахи.

Под общий смех он выскакивает из вагона. Опомнившись, проверяет, на месте ли билет. Прячет его в другой карман, но, не сделав и двух шагов, вынимает снова.

Боязнь потерять билет так велика, он его перекладывает так часто, что билет все время на виду и трепещет, как голубь, готовый вырваться из рук. Наконец билет укладывается в бумажник. Однако бумажник – помещение ненадежное для столь драгоценного предмета, как пятимиллионный билет.

Счастливец покупает портфель и прячет туда бумажник.

Но и этого ему мало. Покупается чемодан, в который за-
пирается портфель.

Секунда спокойствия и блаженства сменяется новым при-
падком ужаса. Все распаковывается и выбрасывается. Самое
надежное – держать билет в руке. По крайней мере видно,
что он тут.

У павильона Флоры счастливец видит, как толпа фото-
графов, кинематографистов и репортеров набрасывается на
предыдущего счастливца.

Этот пришел за выигрышем со всей семьей. Тут – папа,
мама, бабушка, которую держат под руки, идиотически улы-
бающийся дедушка и дети.

Их бесцеремонно фотографируют – заставляют прини-
мать различные позы, отцу впихивают на руки младенца. Де-
душку теребят репортеры с записными книжками – берут у
него интервью.

Диктор спешно кричит в радиомикрофон.

Диктор. Вниманье, вниманье! Говорим из павильона Фло-
ры. Сейчас перед вами выступит бакалейщик господин Жак-
лен, только что получивший миллион франков. Он еще дер-
жит его в руках. Пожалуйста, господин Жаклен.

Микрофон подносят ко рту бакалейщика, и он, бледно
улыбаясь, начинает:

Бакалейщик. Я никогда не думал, господа, что выиграю
миллион франков. Но теперь я очень доволен...

Фотограф грубо поворачивает его лицо в нужную сторо-

ну.

– ...Я чувствую себя очень хорошо. Что я сделаю с миллионом, господа? Немножко я дам родственникам...

Жена (*перебивает*). Кому? Кому?

Бакалейщик. Моим родственникам, господа.

Жена (*в микрофон*). Родственникам! Ну, вы видели большего идиота, господа? (*Мужу.*) А родственники тебе что-нибудь давали? Дурак!

Бакалейщик (*тупо улыбаясь*). Жизнь прекрасна, господа.

Обладатель пятимиллионного билета с тоской наблюдает страдания бакалейщика.

Пользуясь тем, что внимание толпы отвлечено, он проskalзьывает в павильон и предъявляет чиновнику свой билет.

Увидев пятимиллионный билет, чиновник вскакивает, чтобы позвать людей.

Но счастливец силою усаживает его на место.

Счастливец. Ради бога... умоляю вас... никого не зовите!

Чиновник. Ваша фамилия?

Счастливец... У меня нет фамилии... То есть у меня есть фамилия, но я хочу остаться неизвестным.

Чиновник. Это ваше право. Выполняет формальности.

Счастливец смотрит в окно. Лицо его выражает ужас.

Чиновник. Новы живете в Париже?

Счастливец видит сверху новые пытки, которым подвергается бакалейщик и его семья. Теперь этих добрых людей

снимают для звуковой кинохроники, и они растерянно отступают под натиском кинооператоров.

Счастливец (испуганно). Нет, нет, не в Париже, только не в Париже!

Чиновник. Ах, в провинции! В каком же городе?

Счастливец. В таком... в небольшом...

Растерянно водит пальцем по карте Франции, которая висит тут же. Палец останавливается на первой попавшейся точке.

Счастливец. Бург-сюр-Орм.

Чиновник (*пишет*). Бург-сюр-Орм. Отлично.

Раннее чистое летнее утро в провинциальном городке.

Центральная площадь городка.

Два отеля с кафе, расположенные друг против друга.

В утреннем полусвете все-таки можно прочесть надписи на полотняных навесах кафе.

Одно заведение называется:

«Друг желудка» Г-н Огюст Лево

Другое:

«Веселая устрица» Г-н Виктор Бранден

Перед «Другом желудка» помещается бензиновая колонка «Шелл». Перед «Веселой устрицей» колонка «Стандарт».

В перспективе улочки показывается обнявшаяся парочка.

Парочка медленно подвигается к площади, ежесекундно целуясь.

Наконец он снимает руку с ее плеча.

Молодые люди нежно прощаются, осторожно оглядываются по сторонам и расходятся.

Она снимает туфли и влезает в окно кафе «Веселая устрица». Он перелезает забор двора «Друга желудка». На площади снова пусто и чисто.

Солнечный луч скользит по плакату, наклеенному на стене «Веселой устрицы»:

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ ГОРОДА БУРГ-СЮР-ОРМ

В четверг, 12 июня, состоится торжественное открытие и пуск кареты

СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ, которую г. Бранден в заботах о гражданах его родного города учредил для перевозки жертв несчастных случаев в городскую лечебницу. Да здравствует партия республиканских радикалов города Бург-сюр-Орм и ее непреклонный вождь г. Бранден!

На выборах мэра все голосуйте за г. Брандена!

Утро дышит миром.

И только другая афиша, на стене «Друга желудка», показывает, что в городке бушуют микроскопические страсти и между владельцами обоих гостиничных заведений идет отчаянная борьба.

ГРАЖДАНИН!

Если с тобой произойдет несчастный случай, если ты внезапно сломаешь ногу или скоропостижно заболеешь – ничего не бойся. Тебе обеспечена быстрая помощь. О тебе позаботился старик Лего. Старый Лего никогда не забывает о гражданах своего родного города. Ровно в 9.30 утра состоится торжественный пуск СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КАРЕТЫ. Да здравствует партия радикальных республиканцев и ее дальновидный вождь старик Лего!

На выборах мэра голосуйте только за старика Лего!

Перед дверью «Друга желудка» появляется мадам Лего. Она вывешивает на веревке брюки мужа и начинает их выколачивать. Это широкие и прочные штаны добродетельного человека. Сразу видно, что их носит не какой-нибудь шалопай. Это чудные штаны в полоску с большими пуговицами, пришитыми на всю жизнь.

В дверях «Веселой устрицы» происходит такая же сцена. Мадам Бранден проветривает и выбивает клетчатые брюки. Это грандиозное вместилище, и можно сразу понять, что это брюки г. Брандена, кандидата в мэры, а не какого-нибудь незначительного лица.

Матроны усердно работают над брюками великих людей. Они с напускным равнодушием поглядывают друг на друга, но чувствуется, что под их корсетами клопочет ярость.

Через площадь, между обоими кафе торопливо проходит агент по страхованию г. Писанли. Это немолодой сердцеед с маленькими усиками и в котелке, элегантно нахлобученном на самые уши.

Он раскланивается с обеими дамами грациознейшим образом.

Дамы провожают его страстными взглядами.

Когда г. Писанли исчезает, взоры их встречаются.

Сладчайшие улыбки сменяются грозными. Женщины готовы схватиться. Однако благоразумие берет верх, и они возвращаются к прежнему занятию.

Кидая воинственные взгляды друг на друга, они колотят брюки все сильнее и сильнее, вкладывая в удары ненависть, предназначенную сопернице.

Брюки взвиваются, трещат под ударами – и облако пыли застилает площадь.

Когда оно расходится, соперниц уже нет.

Из «Друга желудка» выходит на площадь тринадцатилетний гарсон г. Лево – мальчик Тити. В руках у него рулон афиш, ведерко с клейстером и кисть. За ним плетется собака.

Он подходит к афише, восхваляющей достоинства г. Брандена, и заклеивает ее афишей, превозносящей добродетели г. Лево.

Покуда Тити занят своим делом, собаке тоже находится занятие.

Она бросается на кошку, появившуюся из «Веселой уст-

рицы», и загоняет ее на дерево.

На помощь кошке спешит Мак-Магон, по виду хотя и дремучий, но совершенно вздорный старик, гарсон г. Брандена.

Он видит страшную работу Тити, бросается в дом и сейчас же появляется снова с рулоном афиш, клейстером и кистью.

Он подкрадывается к мальчику, отбрасывает его в сторону и срывает афишу врага.

Одержав эту победу, старик приступает к расклейке своих афиш. Но пока он возится с ведерком, Тити подменяет сверток с афишами. Упоенный успехом, старик ничего не замечает и заклеивает всю стену афишами г. Лево. Во время работы он бормочет:

– Я тебе покажу Лево, молокосос! Лево! Лево! Дерьмо твой Лево, вот что! Плевал я на Лево! Тоже кандидат в мэры нашелся!..

Закончив расклейку, он отходит, чтоб полюбоваться своей работой.

С недоумением видит, что вся стена заклеена афишами противника.

Бросается на Тити, который с довольным видом вертится тут же под ногами.

Тити, увертываясь, кричит:

– Меня убивают! Господин Лево! Помогите! В окне появляется полуодетый Лево.

На пороге своего кафе вырастает Бранден с намыленной физиономией и безопасной бритвой в руке.

Тити. На помощь, хозяин!

Мак-Магон (*гоняясь за мальчиком*). Посмотрите, что он сделал, господин Бранден!

Бранден смотрит на афиши и взмахивает бритвой.

Мадам Бранден (*оттаскивает его назад*). Тебе вредно волноваться. У тебя больное сердце!

Лево прыгает в своем окне как обезьяна. Жена его успокаивает.

Мадам Лево. Огюст! Умоляю тебя! С твоим сердцем!..

Оба исчезают внутри своих домов и тотчас же снова появляются, но жены их утаскивают.

Мак-Магон в ярости срывает афиши врага. Покуда он это делает, Тити снова подменяет рулон. И когда Мак-Магон набрасывается на рулон и начинает его рвать, то видит, что рвет собственные афиши.

Мак-Магон (*перед ключьями афиш, держа за шиворот мальчика*). Скорее, господин Бранден! Посмотрите, что они сделали с нашими афишами!

Тити издает ужасные вопли.

На площадь выскакивают Бранден и Лево. Они уже одеты. На них те брюки, которые выбивали их жены. Оба до крайности взволнованы.

Некоторое время они только задыхаются, так как не в состоянии сказать ни слова.

Они разевают рты, ловят воздух, хватаются за сердце, надуваются все больше и больше.

Молчаливая дуэль кончается тем, что оба противника валятся в обморок.

Их растаскивают по домам. Но они неожиданно опять выскакивают на площадь. Однако, не успев добежать друг до друга, снова падают в обморок. Их уносят по домам жены, дети и слуги. Площадь пустеет.

И в заключение на ней разыгрывается маленькая война – кошка г. Брандена, прижатая к стене и лишенная возможности отступить, дает ловкие пощечины собаке г. Лево.

Неизвестно откуда доносится бурный, порядочно фальшивый марш.

Двор отеля «Друг желудка».

У небольшого полугрузовичка, служащего в обычное время для перевозки хозяйственных грузов, наспех и грубо переделанного в карету скорой помощи с красным крестом и надписью «Милосердие старика Лево. Все голосуйте за радикальных республиканцев», идут последние приготовления.

Тити с сияющим лицом выметает из машины мусор.

Сын Лево, Андре, в котором мы узнаем молодого человека, прощавшегося с девушкой, уже сидит на месте шофера.

Мадам Лево тут же во дворе поправляет старику галстук и готовит его к выступлению.

Лево взбирается в машину и становится в позу триумфатора, Тити раскрывает ворота, марш гремит с удвоенной силой, становится еще фальшивей, и медицинское сооружение выкатывается на площадь.

На площади собралась небольшая толпа граждан. Между обеими конкурирующими гостиницами поместился любительский оркестр из шести человек. Музыканты щеголяют узкими и короткими белыми панталонами, из-под которых глядят мощные черные ботинки военной доброты. Состав исполнителей такой: тарелки, геликон, губная гармоника, скрипка и две необыкновенно пискливых фанфары. Губная гармоника почти исчезает под пышными усами музыканта.

При выезде автомобиля раздаются восклицания. Оркестр играет туш. Господин Лево раскланивается, подымает руку и начинает речь:

– Граждане, в этот знаменательный день, когда партия радикальных республиканцев дает новое свидетельство своих забот о благе общества, в этот день, когда...

Но тут широко раскрываются ворота «Веселой устрицы», слышится громкое кучерское причмокивание и на площадь выезжает большая белая лошадь с толстыми ногами и генеральским плюмажем на челе. Лошадь влечет за собой тележку с красным крестом и надписью «Скорая медицинская помощь при несчастных случаях г. Виктора Брандена. Голосуйте исключительно за республиканских радикалов».

На козлах сидит Мак-Магон, рядом с ним дочь Брандена Люси в госпитальной наколке. (Это девушка, прощавшаяся утром с Андре.) В тележке стоя помещается г. Бранден.

Оркестр играет туш. Мак-Магон делает «тпр-ру», и ко-

лесница останавливается напротив вражеского автомобиля. Приветственные клики толпы.

Бранден. Я не оратор, граждане. Жизнь общественная есть общественная жизнь общества. Потому что общество состоит из общественной жизни. Без общественной жизни общество уже не общество...

Здесь содержательная речь Брандена прерывается тушем, который грянул по поводу торжественной церемонии, разыгрывающейся у автомобиля Лево.

Господин Писанли подносит букет с лентами г. Лево и целует руку мадам Лево. Оркестр играет «Марсельезу».

Мадам Бранден устремляет на Писанли магнетический взгляд, и он смущенно скрывается в толпе.

В лагере Брандена полное смятение. Бранден хватается за сердце. Жена из аптекарской бутылочки наливает ему успокоительные капли. Он выпивает.

Растроганный Лево продолжает свою речь.

– Этот букет, господа, только лишнее подтверждение того, как высоко стоит авторитет радикальных республиканцев среди прогрессивных слоев Бург-сюр-Орма. Жалкое лепетание республиканских радикалов никогда...

Его прерывает визгливый туш. Толпа поворачивается в сторону белой лошади.

Там происходит великое торжество. Господин Писанли подносит Брандену венок с лентами и склоняется перед мадам Бранден.

Мадам Бранден торжествует.

Г. Лево хватается за сердце.

Лево. Лекарство!

Протягивает руку к жене. Но она, не сводя глаз с коварного Писанли, сама пьет капли.

Писанли испуганно ныряет в толпу. В толпе рядом стоят Тити и Мак-Магон.

Тити. Да здравствует господин Лево!

Мак-Магон. Долой Лево. Да здравствует господин Бранден!

Мак-Магон в припадке преданности подбрасывает в воздух свою шапку. Тити ловит ее и не отдает. Мак-Магон за ним гоняется. Оправившийся Бранден кричит:

– Господа, лучшим идеалам общественной жизни общества угрожает опасность. Перед вами стоит узурпатор. Это он украл у меня идею скорой медицинской помощи при несчастных случаях.

Лево (*стараясь перекрычать противника*). Граждане, вы слишком хорошо знаете старика Лево, чтобы поверить этой демагогии. Идея скорой медицинской помощи принадлежит исключительно радикальным республиканцам.

Бранден. Нет, республиканским радикалам.

Лево. Нет, радикальным республиканцам.

Бранден. Мне!

Лево. Нет, мне!

Бранден. Вам?

Лево. Мне.

Бранден. Тебе?

Лево. А кому? Вам?

Бранден. Мне!

Лево. Те-бе?

Бранден, стегнув свою лошадку, подъезжает вплотную к противнику.

Бранден. А у кого [?.] сумасшедший? Лево. А у кого в гостинице клопы?

Тити. Ура!

Тити нагло смотрит на Мак-Магона.

Оркестр играет туш. Брандену подают капли. В[?.] он подымает стаканчик, как заздравную чашу, и кричит:

– Да здравствует партия республиканских радикалов! Долой интригана Лево, который в своем «Друге желудка» подавал вчера тухлого гуся. Я сам нюхал!

Мак-Магон. Нюхал, нюхал! Ура!

С торжеством смотрит на Тити. Тити повержен. Оркестр играет туш.

Лево хватается за сердце, в волнении вырывает у Брандена капли, пьет их и, возвратив удивленному врагу пустой стаканчик, кричит:

– А кого жена бьет по морде?

Бранден. А в самом деле? Кого?

Лево. Вас!

Бранден. Меня?

Лево. Тебя!

Бранден. А вас?

Лево. Как? Ме-ня?

Бранден. Да, да! Тебя! По морде!

Лево смущенно молчит. Писанли с ужасом переводит глаза с мадам Лево на мадам Бранден и снова на мадам Лево. Толпа неистово кричит. Такой спектакль бывает не каждый день.

Внутри медицинской кареты г. Лево, сквозь разрез брезентового навеса, сквозь который видна площадь и люди, обнимаются Люси и Андре. Вражда отцов не мешает им любить друг друга. Вся их сцена немая и идет под пререкания невидимых родителей.

Голос Лево. Негодяй!

Голос Брандена. Сам негодяй!

Молодые люди целуются.

Лево. Дурак!

Бранден. От такого слышу.

Молодые люди целуются.

Лево. Я убью его.

Поцелуй.

Бранден. Держите меня!

Поцелуй.

Нечленораздельный крик Лево.

Поцелуй.

Рев Брандена.

Поцелуй. Поцелуй. Поцелуй.

Снова площадь.

Противников развели по местам и успокаивают. Мак-Матон отнимает наконец у Тити свою шапку и водружает ее на голову. Из автомобиля незаметно выходят Андре и Люси.

На площадь, размахивая котелком, вбегает Писанли и кричит: – Несчастный случай! Скорее! Несчастный случай с мадам Буало. Она упала на рыночной площади и подвернула себе ногу.

При этом крике оба государственных мужа, поникшие было главами от перенесенных волнений, проявляют необыкновенную деятельность. Расталкивая окружающих, они бросаются к своим каретам.

Лево (*вскакивая в машину*). Андре! Полный ход!

Бранден (*переваливаясь в тележку*). Мак-Матон! Люси – на место!

Андре заводит ручкой мотор. Искры нет. Машина не движется. Лево вне себя. Андре поднимает капот и углубляется с головой в мотор.

Бранден с дьявольским смехом выносятся вперед на своей колеснице.

Бранден (*кричит*). Да здравствует партия республиканских радикалов и ее вождь – я!

Ужасные понукания Лево. Андре наконец починился, берется за руль, машина делает ужасный скачок и мчится вдогонку за Бран-деном.

Узкая уличка, по которой еле-еле движется норовистая белая лошадь. Сзади подъезжает автомобиль Лево, но обогнать противника он не может – узка улица.

Тогда он сворачивает в первый же переулок и вскоре появляется на этой же улице, но уже впереди лошади.

Лево в восторге кричит:

– Да здравствует партия радикальных республиканцев!

Мотор капризничает, машина едва движется, а лошадь, которая только взяла ход, насадет сзади, но тоже из-за узости мостовой не может обогнуть автомобиль.

В горячке Бранден также сворачивает в переулок.

Новая уличка, где автомобиль и лошадь почему-то мчатся навстречу друг другу. И только почти столкнувшись, они с проклятиями поворачивают назад и так же бешено мчатся в разные стороны.

Широкая и большая улица. Теперь соперники несутся рядом.

Сумасшедшая гонка лошади и автомобиля.

Обезумевший Мак-Магон стоя нахлестывает лошадь.

Тити чуть не выпадает из автомобиля.

Бранден теряет шляпу.

Лево лихорадочно пьет капли.

Кареты въезжают на рыночную площадь. Действительно, там у стены дома, окруженная небольшой кучкой людей, со страдальческим выражением на лице лежит старуха.

Бранден и Лево одновременно спрыгивают на землю и

подбегают к старухе.

Лево еще издали кричит Брандену:

– Прочь! Прочь! Это моя больная!

Бранден. Отойдите от нее немедленно. Вам говорят!

Над телом старухи они сталкиваются и начинают отпихиваться руками.

Лево. Это моя старуха.

Бранден. Ваша?

Лево. Моя!

Бранден. Твоя?

Лево. А чья же?

Бранден. Общественная.

Лево. Как, общественная?

Бранден. Я ее нашел!

Лево. Нет, это я ее нашел.

Старуха. Ох, умираю!

Лево. Видите, старушка умирает, а вы... Пустите сию минуту.

Бранден. Нет, вы пустите!

Лево. Почему же я должен вас пустить?

Бранден. Потому что старушка гибнет на глазах подлой радикально-республиканской партии.

Лево. Нет, она гибнет на глазах республиканско-радикальной партии, на ваших глазах, а не на моих.

Старушка со страхом подымается и, ковыляя, уходит. Но никто этого не замечает. Государственные мужи продолжают

спорить.

Бранден. В таком случае могу вам сообщить, с кем живет ваша жена.

Лев. Пожалуйста!

Бранден. Она живет с господином Писанли.

Лев. Извините, с господином Писанли живет ваша жена!

Бранден. Но весь город знает про вашу жену.

Лев. Нет, весь город знает про вашу.

Писанли поспешно выбирается из толпы и скрывается с глаз.

Оба кандидата в мэры надуваются до последней степени и падают в обморок.

Их подхватывают и засовывают в свои же скорые медицинские кареты. Кареты увозят безжизненные тела своих владельцев тем же бешеным аллюром, каким неслись к старухе, так и не дождавшейся помощи.

Завернутый в плед, с компрессом на голове, окруженный аптекарскими бутылочками, сидит за столом г. Лев и, поглядывая в окно на гнездо врага, сочиняет донос.

«Господину префекту.»

Обуреваемый желанием принести посильную помощь городу, его благоустройству и процветанию, не могу не сообщить Вам, г. префект, о том, что, известный низостью своего поведения, содержатель кабака под названием «Веселая устрица» Виктор Бранден торгует после 12 ночи, при закрытых шторах, что строжайше воспрещено обязательным по-

становлением, и подает плохой пример подрастающему поколению.

Остаюсь навсегда преданный
Огюст Лево».

Составив этот документ, г. Лево прячет его в карман своих брюк, полосатых брюк.

Г. Бранден, полулежа на диване, удовлетворенно заканчивает донос на Лево и прячет его в карман своих фундаментальных клетчатых штанов.

Едва он кончает это достойное занятие, входит Люси.

Люси. Можно, папа?

Бранден утвердительно хмыкает.

Люси. Я давно хотела тебе сказать.

Бранден хмыкает.

Люси. Мне сделали предложение.

Бранден одобритительно хмыкает.

Люси. Один молодой человек.

Бранден одобритительно хмыкает.

Люси. Ты его знаешь.

Бранден вопросительно хмыкает.

Люси. Он очень хороший.

Бранден одобритительно хмыкает. Люси. [?.]

Бранден энергично и отрицательно хмыкает.

Люси. Но почему же?

Бранден. Потому что он такой же мерзавец и негодяй, как

его отец. И кончим на этом разговор. Люси плачет. Отец выталкивает ее.

Г. Лево стоит в грозной позе перед сыном.

Лево (*кричит*). Никогда. Никогда. Только через мой труп!

Есть в городе девушка по имени Лилиан. Это обыкновенная провинциальная проститутка с истерическими потугами на парижский жанр. Она сидит у окна своей комнаты и беседует с господином Писанли, который стоит на улице. Вечер. Господин Писанли приторно любезен и все время приподымает над головой свой элегантный котелок.

Писанли. Дела не идут, дитя мое.

Лилиан. Да, дела не идут.

Писанли. Кризис.

Лилиан. Да, кризис.

Писанли. Когда дела шли...

Лилиан. О, когда дела шли...

Писанли. Тогда я страховал в день не меньше трех человек от смерти. Это была жизнь.

Лилиан. У меня тоже было не меньше трех в день. Иногда даже больше.

Писанли. А теперь нет клиентов.

Лилиан. Да, клиентов мало.

Писанли. Так как же будет, дитя мое? Может быть, можно в кредит?

Лилиан. В кредит?

Писанли. Когда дела пойдут, я заплачу. Честное слово.

Лилиан. Убирайся ты вон, свинья такая.

Писанли. Вот видите. В любви тоже не везет. Так и знал.
(Мнется.) Слушай, девочка, тебе не нужен тихий, спокойный, непьющий, средних лет, глубоко интеллигентный кот?

Лилиан. Проваливай!

Писанли. Пожалуйста, пожалуйста.

Он уходит, вежливо приподымая котелок. Лилиан закрывает окно и опускает занавеску.

Стук в дверь. Входит г. Бранден в своих замечательных штанах в клетку. В петлице у него цветок. Усы торчат кверху.

Бранден. Ку-ку!

Целует Лилиан, которая молчит довольно сурово.

Бранден. Птичка, я пришел отдохнуть на твоей груди.

Лилиан, не отвечая, роется в ящике стола.

Бранден. Что с тобой, моя крошка?

Лилиан протягивает ему маленькую афишку.

Лилиан (*грозно*). Кто это писал?

Бранден тупо смотрит на афишку. Текст афишки:

Матери и жены, я осушу ваши слезы. Я вырву юношество Бург-сюр-Орма из грязных объятий развратницы Лилиан, которая при попустительстве радикальных республиканцев свила себе гнездо на священной почве нашего города. Как только меня выберут мэром, я изгоню ее. Голосуйте на выборах только за партию республиканских радикалов. Вик-

тор Бранден.

Лилиан. Ну?

Бранден (*трусливо*). Что тут особенного?

Лилиан. Зачем же ты приходишь отдыхать в грязных объ-
ятиях развратницы?

Бранден. Детка!

Лилиан. Нет, что это значит?

Бранден. Ну, стоит ли обращать внимание? Это же поли-
тика! Чистая политика, и ничего больше.

Лилиан. У одного кризис, у другого политика. Спасибо!

Бранден обнимает разгневанную Лилиан. Раздается осто-
рожный стук в дверь. Бранден в испуге отскакивает.

Бранден. Ради бога! Меня не должны здесь видеть! В
такой ответственный момент острой политической борьбы.
Куда мне деваться?

Лилиан вталкивает государственного деятеля в соседнюю
комнату и открывает входную дверь.

На пороге ее с победоносной улыбкой стоит г. Лево, под-
винчивая свои усы. Он предостерегающе протягивает руку
и шипит:

– Никто не должен знать, что я здесь. Лилиан. Понимаю,
понимаю! Политика!

Лилиан молча уводит Лево в комнату, расположенную на-
против той, где укрылся Бранден, подводит его к стене и,
указав на афишку, приколотую к стене кнопками, говорит:

– Я тоже стала заниматься политикой.

Лево, тараща глаза, видит собственное воззвание к избирателям.

Текст возвания:

Женщины города! Дело нравственности в верных руках. Когда старик Лево будет мэром, он немедленно обрушится на темное пятно нашего города, притон потаскухи Лилиан. Воздействуйте на своих мужей, скажите своим сыновьям, что все голоса должны быть отданы только радикальным республиканцам.

Огюст Лево.

Лево молчит.

Лилиан. Значит, я темное пятно?

Лево. К чему такие мрачные мысли, курочка? Это же сделано для семьи.

Лилиан (*считает на пальцах*). У одного – кризис, у другого – политика, у третьего – семья. Очень мило!

Лево обнимает ее.

Лилиан. Теперь я вижу, что дело нравственности действительно в верных руках.

Средняя комната, в которой началась сцена. Входит Лилиан. Она замечает, что на стуле у двери комнаты, где помещился Бранден, уже лежат его замечательные брюки в клетку.

Когда она оглядывается, то на стуле у противоположной

двери уже висят прекрасные, вечные брюки в полоску господина Лево.

Лилиан. Ну, кажется, кризис кончается.

Ночь. Улица. По ней бредет невзрачный человек. Он движется медленно, иногда останавливается, внимательно смотрит на входные двери, потом подходит к окну одного дома, нажимает на раму, но она не открывается. Оглянувшись, идет дальше.

Заглядывает сквозь прутья изгороди другого дома и отскакивает. Ему не понравилась большая собака, строго выглядывающая из будки.

По всему видно, что это неэнергичный и невезучий маленький вор.

Он подходит к другому окну. Рама легко растворяется. Вор влезает в комнату и сейчас же выпрыгивает из окна с двумя парами замечательных фундаментальных штанов.

Еще у самого дома он шарит в карманах брюк, но, найдя там только какие-то сложенные бумажки, недовольно гримасничает, пихает бумажки как попало назад в брюки и скрывается во мраке.

Средняя комната Лилиан.

Одна из дверей приоткрывается, оттуда высовывается голая толстая рука и протягивается за брюками. Не найдя их в том месте, где они лежали, рука прячется назад.

Затем дверь снова приоткрывается, показывается голова Лево. Глаза его с недоумением глядят на пустой стул.

Раздается скрип другой двери, и голова Лего испуганно скрывается.

В противоположной двери появляется Бранден и, не увидев своих брюк, прячется в комнату.

Лилиан в средней комнате. Ничего не понимая, обнаруживает исчезновение брюк. Подбегает к открытому окну. Ночь. Тишина. Мерцают фонари.

Из темноты – колокольный звон.

Разворачивается чудное воскресное утро в тишайшем Бург-сюр-Орме.

Сухонькие старушки с молитвенниками движутся в церковь. Идут в церковь целые семьи, папы, мамы, ведут детей, катят какого-то старика в колясочке, обмениваются поклонами. Все очень чинно и достойно.

Чистый колокольный звон. Где-то за городом, в овраге, сидит вор и восхищенно рассматривает украденные брюки.

Писанли с рюмочкой в руках стоит перед стойкой, за которой помещается заплаканная мадам Лего, и разглагольствует.

Писанли. Вы, главное, не волнуйтесь, мадам Лего. Не пришел ночевать? Ничего тут нет особенного. Одно из двух: либо он вернется, либо он не вернется. Если он вернется, то уже хорошо. А если не вернется, то одно из двух. Либо с ним случилось несчастье, либо не случилось. Если не случилось несчастье, то уже хорошо, а если случилось, то одно из двух. Либо он остался жив, либо он не остался жив. Если он остал-

ся жив, то уже хорошо, а если не остался, то одно из двух...

Мадам Лево глотает слезы.

Андре и Люси направляются в церковь по разным сторонам улицы. Отойдя достаточно от дома, они переглядываются, сходятся и дальше идут вместе.

Писанли уже ораторствует перед плачущей мадам Бранден. Развязно попивая из бокала, он болтает.

Писанли. В конце концов, мадам Бранден, вам совершенно нечего беспокоиться. Либо он умер, либо он не умер. Если он не умер, то уже хорошо, а если умер, то одно из двух: либо он умер в мучениях, либо умер без мучений.

Мадам Бранден плачет навзрыд.

Писанли. Почему же вы плачете? Если он умер без мучений, то уже хорошо, а если он умер в мучениях, то одно из двух. Либо он попал в рай, либо он попал в ад. Если он попал в рай, то уже хорошо, а если он попал в ад, то одно из двух. Либо сатана его полюбил, либо сатана его не полюбил. Если полюбил, то уже хорошо, а если не полюбил, то одно из двух...

Мадам Бранден ревет.

Великий утешитель беззаботно пьет из бокала.

Чрезвычайно грустное зрелище. Кандидат в мэры г. Бранден в удобных домашних кальсонах, но в пиджаке и галстукке, под тихий колокольный звон прыгает перед Лириан. Он разъярен и одновременно испуган до крайности.

Бранден. В конце концов, надо купить штаны. Не могу же

я здесь сидеть вечно!

Лилиан. Что ты кричишь? Ты хочешь, чтоб весь город сюда сбежался?

Бранден (*шепчет*). Умоляю. Ну надо купить штаны. Надо! Понимаешь? Брюки!

Лилиан. Сколько раз тебе говорить. Сегодня воскресенье. Все закрыто.

Бранден. О! Воскресенье! (Вотчаянии бросается на кровать.) Я погиб! Что теперь со мной сделает этот мерзавец Лего!

В комнату доносится тонкий протяжный стон. Бранден в страхе прислушивается. Он вскакивает.

Бранден. Там кто-то есть!

Лилиан. Это собака. Я ее сейчас прогоню!

Выходит, тщательно прикрыв за собой дверь, и открывает дверь второй комнаты.

Там на коленях, в одних коротких кальсонах, стоит Лего и ужасно стонет.

Лилиан. Что это за штуки? Ты с ума сошел!

Лего. Лилиан, спаси меня.

Лилиан. Прежде всего тише.

Лего (*шипит*). Я же не прошу роскоши. Я прошу предмет первой необходимости. Брюки! Неужели ты не понимаешь, что такое для мужчины брюки! О, если Бранден узнает! Что скажут мои избиратели!

Стонет так страшно, что Лилиан хватается за голову.

Лево. Ах, мои брючки, мои старые верные штаны!

Из соседней комнаты доносится грустный рев обезумевшего Брандена. Лево настораживается.

Лилиан. Ничего, ничего, это собака. Слушай, у меня есть идея. Рядом живет портной.

Лево. Правильно!

Лилиан, ты святая женщина. (*Косится на афишку.*) Ей-богу, святая! Я всегда это говорил!

Поспешно достает деньги.

Лево. Как можно скорее!

Лилиан. Побегу и закажу две пары брюк.

Лево. Зачем же две пары?

Лилиан. Э-э... Я думала, что одна пара будет запасная.

Лево. Какая там запасная! Хватит и одной. Скорей беги. Ради бога. Пусть немедленно шьет. Честное слово, ты святая женщина.

В кафе Брандена «Веселая устрица» по-прежнему пусто. Разволновавшаяся мадам с распухшим от слез лицом сидит за столиком. Ее осторожно поглаживает по толстой спине господин Писанли.

Писанли (*вкрадчиво*). Скажите, мадам Бранден, вам не нужен тихий, спокойный, непьющий, средних лет, глубоко интеллигентный метрдотель или, например, муж?

Мадам Бранден. Подождем еще немножко. Может быть, он вернется.

Писанли. Одно из двух. Либо он вернется, либо не вер-

нется. Если он не вернется, то это уже хорошо. Значит, сатана его полюбил...

Новый приступ рыданий охватывает мадам Бранден.

Лилиан у портного, человека крайне медлительного и склонного философически вникать в сущность явлений.

Портной. Что это такое? Целый год никто не заказывал брюк! Вы меня извините, мадемуазель, но я уже начинал думать, что человечество перестало интересоваться брюками. И вдруг сразу две пары и чтоб были готовы в один час.

Лилиан. Да, да. В один час и две пары.

Портной. И вот когда я начинаю думать над тем, что бы все это могло значить, я прихожу к мысли, что кризис кончается.

Лилиан. Кончается, кончается. Только вы, главное, не думайте. Шейте как можно скорее. Думать будете потом.

Она уходит, а портной медленно разворачивает кусок ткани и упирается в нее тусклым взглядом. После долгой паузы он произносит:

Портной. Думать будете потом! Потом будет уже поздно.

Пауза.

Портной (*тяжело задумавшись*). Что такое брюки? А что такое жизнь?

Нисколько не торопясь, принимается резать ножницами сукно.

На безлюдную станцию Бург-сюр-Орм вкатывается пассажирский поезд.

Из багажного вагона выбрасывают пачку парижских газет.

Поезд уходит, оставив на перроне необычайных для городка пассажиров – здесь три кинематографиста с аппаратами, еще один человек весь на застежках-молниях (у него на таких же застежках – карманы пиджака и брюк, портфель, блокнот, рубашка) и бледный, превосходно одетый господин с толстеньким акушерским саквояжем.

Станционные служащие с удивлением рассматривают приезжих.

Вдруг у одного из них, принявшего пачку газет, меняется лицо, и он уже не сводит глаз с заголовка, перерезанного шпагатом упаковки.

Текст заголовка:

ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ФРАНКОВ ВЫИГРАНЫ ЖИТЕЛЕМ ГОРОДА БУРГ-СЮР-ОРМ, СЧАСТЛИВЕЦ ПОЖЕЛАЛ ОСТАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ.

Удивленные его поведением, заглядывают на пачку через плечо и другие служащие. Волнение охватывает всех.

Кучка людей, которые первые узнали поразительную новость, возбужденно шагает по улице. К ней присоединяются прохожие. Впереди всех, размахивая еще не развязанной пачкой, идет газетчик. Распахиваются окна, люди выбегают на балконы, кучка превращается в толпу.

Происходит чудо. Нищий, стоящий у перекрестка на костылях, узнав чудесную новость, бросает костыли и бежит за толпой, бодро ступая на обе ноги.

Из своего заведения выходит портной-философ с сшитыми брюками и клеенчатым метром на плече. Узнав, что произошло, он столбенеет.

Толпа идет дальше.

Кинематографисты тащат свои аппараты. Внимательно осматривая всех, чинно идет приезжий господин с саквояжем. Безмерно суетится репортер в [?.], то раздергивая, то задергивая свои бесчисленные застёжки.

Портной продолжает стоять все в том же свинцовом раздумье у своей лавки.

Церковь полна народа. Идет служба. Торжественные звуки органа.

С улицы входит один из граждан и что-то шепчет ближайшему к входу молящемуся.

Слух передается из уст в уста. Странный шелест и бормотанье наполняют церковь.

Органисту под самый нос подложили газету. Органист в волнении начинает страшно фальшивить.

Кюре, стоящий лицом к алтарю, морщится, бросает недовольный взгляд на органиста, потом смотрит вниз.

Церковь пуста. Последние молящиеся толпятся у входа.

Только у одной колонны, забыв все на свете, шепчутся Андре и Люси.

Ничего не поняв, кюре откашливается и продолжает службу под фальшивый рев органа.

К портному, который все еще стоит в позе полного и ре-

шительного обалдения, подбегает Лилиан.

Лилиан. Готово?

Портной. Возьмите ваши брюки, мадемуазель, и уходите. В последний раз я делаю такую грязную работу. Раз в городе появился человек с пятью миллионами, для меня найдется работа получше. *(Начинает горячиться.)* Может жить миллионер без фрака? Не может! Может он жить без визитки? Не может! Смокинг ему нужен? До зарезу! Кто все это ему будет шить? Я! Другого портного в городе нет.

Лилиан. Да, но ведь он может выписать себе портного из Парижа!

Портной. Из Парижа? *(Тяжело задумывается.)* Как это я не сообразил! Так не забудьте. Моя фирма существует с тысяча восемьсот девяносто пятого года. Быстрое, точное, аккуратное исполнение заказов. Из Парижа! Как я об этом не подумал!

Лилиан. Кто же все-таки выиграл, хотела бы я знать?

Портной. О, если б я знал! Дайте мне только мерку с этого человека, и я сошью такой фрак, какой даже в Лондоне не сошьют.

Лилиан со свертком торопливо уходит, а портной снова застывает в беспредельном раздумье.

Бранден растрепан и ужасен. Он уже не владеет собой. Он бежит по комнате, как пленный тигр. Иногда он останавливается, тупо смотрит вперед себя и снова начинает гонять из угла в угол.

В горе он даже бьет себя по щекам.

Отчаяние этого человека показалось бы величественным и трагичным, если бы на его толстых ногах были брюки. Но брюк все нет, и это вызывает у несчастного безумные взрывы горя.

Лево, наоборот, впал в мистицизм.

Он стоит на коленях и, молитвенно сложив руки, взывает к господу.

– Боже, ты один, всемогущий, видишь, в каком идиотском положении я нахожусь. Господи, за что ты так покарал видного общественного деятеля? Помоги мне, господи! Я же многого не прошу. Я ведь не такой, как другие, например, Бранден. Я ведь не хам. Только одну пару брюк. Ну, что тебе стоит?

Он так трогательно молится, что нужно удивляться тому, как потолок не разверзается и оттуда не спускается на страдальца просимый им предмет одежды.

Бранден прерывает свою беготню для того, чтобы осторожно посмотреть в окно сквозь занавеску.

Он видит Лилиан, идущую со свертком в руках. Он радостно переминается с ноги на ногу, но потом замечает, что Лилиан остановилась и присоединилась к кучке людей, горячо толкующих о чем-то и размахивающих руками.

Переходы Брандена от отчаяния к надежде из-за того, что Лилиан то направляется к дому, то снова останавливается, чтобы поговорить с гражданами города, которые толпятся на

улице.

Лево в той же позе молящегося.

Открывается дверь, в комнату влетают брюки и падают прямо на простертые к небу руки Лево.

Он так радостно взволнован, что долго прыгает на одной ноге, не в силах правильно прицелиться другой ногой в штанину. Застегиваясь на ходу, он выпрыгивает из окна в сад и исчезает.

Лилиан вносит брюки в комнату Брандена.

Лилиан. На! И убирайся отсюда поскорее! Надоели вы мне все. Раз в городе есть миллионер, то для меня найдется работа получше!

Бранден (*лихорадочно одеваясь*). Что ты там мелешь! Какой миллионер?

Лилиан сует ему газету, а сама присаживается к зеркалу и поспешно начинает прихорашиваться. Покуда Бранден осмысливает прочитанное, Лилиан болтает.

Лилиан. Может жить миллионер без фрака? Не может! Смокинг ему нужен? До зарезу! Девушка ему нужна? Конечно, нужна! А где он возьмет другую, если, кроме меня, в городе никого нет! Что ты на это скажешь?

Когда она оборачивается, Брандена уже нет в комнате.

Лилиан (*глядя на себя в зеркало*). Да, но с такими деньгами он может выписать себе девушку из Парижа! Как я этого сразу не сообразила!

На центральной площади Бург-сюр-Орма, среди большой

толпы граждан, горячо ораторствует Писанли. Он полностью овладел вниманием слушателей и врет без удержу. Тут и кинематографисты и репортер. Не видно только бледного господина с акушерским саквояжем.

Вообще от тихого, благостного воскресенья ничего не осталось. Исключительно земные заботы овладели людьми.

Писанли. Вы только не беспокойтесь. Вы положитесь на Писанли. Писанли вас не обманет. Я этих миллионеров знаю как свои пять пальцев. Я у самого Бонура брился, когда проезжал Тараскон. Даже смешно вспомнить. Смотрите, вот эти самые щеки брил Бонур. Вы мне только дайте найти этого счастливца. Уж я его застрахую, будьте уверены. И от огня, и от смерти, и от женитьбы, и от всех других несчастных случаев.

Мак-Магон. Все-таки свинство, что этот миллионер пожелал остаться неизвестным. Скарעד он, вот и все.

Писанли. Слушайте, папаша, выражайтесь осторожней. Этот миллионер, может быть, находится среди нас и слышит, как вы его ругаете.

Мак-Магон (*испуганно*). Ну, ну, я пошутил.

Писанли. Пожалуйста, пожалуйста! Да, да, даже наверно находится. Здесь собрался весь город. Кто-то из нас ведь выиграл. Тут уж сомнений никаких нет. Может быть, он! (*Показывает на одного из горожан, на которого устремляются все взоры. Тот трусливо смеется и прячется в толпу.*) Или я! Да, я выиграл пять миллионов и пожелал остаться

неизвестным. (*Всесмотрят на Писанли.*) Нет, я, конечно, не выиграл, но счастливцев тут, среди нас. (*Всес подозрением начинают смотреть друг на друга.*) Я его найду, я его по глазам узнаю, я его так застрахую... (*Ходит в толпе, хватая людей за руки и заглядывает им в глаза, не минует даже Тити, долго гипнотизируя его. Толпа трусливо жмется под взглядами страхового агента, однако миллионер не открывается.*)

Кинематографисты и репортер подходят к Писанли. Один из кинематографистов:

– Повлияйте на них, пожалуйста. Мы ведь люди занятые, приехали из Парижа. Что мы тут, вечно будем сидеть?

Писанли. Ну что я с ними могу сделать? Ну не хотят, не хотят. Желают остаться неизвестными.

Кинематографист. Господа, нельзя же так! Кто из вас выиграл пять миллионов? (*Пауза. Горожане уныло смотрят в землю.*) Ну, больше жизни, больше жизни! Вся Франция интересуется. Ну?

Толпа недвижима.

В номере гостиницы бледный господин нервно тасует карты. Его акушерский чемоданчик раскрыт, и видно, что он наполнен колодами.

Наконец он сердито закрывает чемоданчик, выходит к толпе и присоединяется к представителям прессы.

Бледный господин (*к толпе*). Нельзя же, господа, тянуть бесконечно! Ну, пошутили – и будет. Господин, выигравший

пять миллионов, можно вас на пару слов? Что вы тут стоите, ей-богу, скучаете? Пойдем куда-нибудь, выпьем по рюмочке, сыграем в карты. Я угощаю, в чем дело!

Но никто не выходит из толпы. Бледный господин возмущенно разводит руками.

Снова начинает кинематографист. Он подтягивает поближе аппарат и говорит:

– Честное слово, это так нетрудно, всего-то дела на пять минут. Немножко попозировать и ответить всего на два вопроса – что вы почувствовали, когда выиграли пять миллионов, и что думаете о частой смене министерских кабинетов?

Толпа безмолвствует.

Писанли. Подождите, подождите, дайте подумать. Кажется, я уже знаю, в чем дело.

Все напряженно смотрят на Писанли.

Писанли (*глубокомысленно*). Выиграл тот, кого сегодня утром не было в городе. Надо ведь было поехать в Париж получить выигрыш. Верно? Кого же сегодня не было?

В это время в конце улицы показывается вороватая фигура Лево.

Писанли. Стоп, стоп, сто-о-оп! Вот теперь мне все ясно.

Толпа смотрит на приближающегося Лево.

Писанли. Так, так. Он пожелал остаться неизвестным. Ясно почему. Он хотел скрыть свой выигрыш от семьи, от вас, мадам Лево. Мадам Лево. Мерзавец!

Лево подходит к самой толпе. Он больше чем смущен. Он

подавлен и запуган.

Писанли (*громовым голосом*). Снимайте его! Это он!

Мадам Лево бросается к мужу. Весь их семейный разговор лихорадочно записывается и накручивается на пленку.

Мадам Лево (*плачет*). Вот этого я от тебя никак не ожидала! Где ты был?

Лево (*с ужасом оглядывается на толпу*). Умоляю тебя, Жанна, постесняйся людей.

Мадам Лево. А, ты продолжаешь от меня скрывать, негодяй!

Лево. Ради бога, пойдем домой, я тебе все объясню.

Мадам Лево. Скрывать нечего, это уже знают все.

Лево. Как все?

Мадам Лево. Конечно! Весь город! Лево. А-а-а! Я погиб!

Кинематографист (*бешено крутит*). Вот это [?!].! Теперь моя карьера сделана!

Мадам Лево. Почему ты мне этого сразу не сказал? Разве я тебе помешала бы?

Лево. Жанна, ей-богу, что за странные вопросы?

Мадам Лево. Я бы тебе даже помогла.

Лево (*вкрайнем удивлении*). Ты бы мне помогла?

Писанли (*хлопая Лево по плечу*). А все-таки сознайтесь, плутишка, приятно было, а?

Лево балдеет от стыда. Кинематографист продолжает накручивать.

– Чудное актюалите!

Репортер (*подстывая с записной книжкой*). Простите, пожалуйста, наша редакция хочет задать вам два вопроса. Во-первых, как это было и, во-вторых, что вы при этом почувствовали?

Лево со стоном вырывается, но на него продолжают насе-
дать.

Мадам Лево. Куда ты их девал?

Лево смущенно смотрит на свои брюки.

Мадам Лево. Ты их положил в банк?

Лево. Милочка, кто же кладет их в банк?

Шулер. Совершенно правильно. Никому не доверяйте. Пойдем лучше, папаша, посидим где-нибудь, выпьем по рюмочке. Я угощаю.

Нервно тасует карты.

Мадам Лево. Где же они все-таки?

Лево. Я, э-э-э... я их потерял.

Мадам Лево. Ложь! Этого не может быть! Это не иголка, чтобы ее можно было потерять.

Лево. В таком случае даю тебе честное слово, что их у меня украли.

Мадам Лево. Украли пять миллионов франков?

Лево. Какие пять миллионов? Каких франков?

Мадам Лево. Которые ты выиграл, жалкий эгоист!

В глазах Лево появляется луч надежды.

Лево. Что выиграл? Где выиграл? Когда выиграл? Почему выиграл? Для чего выиграл? (*Наглеет.*) С ума вы здесь

посходили! Уже человеку погулять нельзя. Вышел человек на минутку, никого не трогал, так нет, подавай им пять миллионов. А ты, дура, уже уши развесила. (*Хорохорится.*) Нет, ей-богу, на секунду нельзя отлучиться из дому. Просто инквизиция какая-то.

Кинооператор (*прекращая работу*). Значит, вы не выиграли?

Лево. Бабушка моя выиграла! Кинооператор угрожающе подходит к Писанли. Кинооператор. Что это значит? Я уже накрутил двести метров. Что ж это, все выбрасывать? Где миллионер?

Писанли. Позвольте, дайте подумать. Я привык думать. Если не Лево, то кто же? Выиграть мог только тот, кого не было в городе.

Из-за угла появляется Бранден. Увидя толпу, которая сразу к нему поворачивается, растерянно останавливается и пытается улизнуть.

Писанли. Вот теперь уж абсолютно ясно. Вот кто выиграл. Бранден выиграл.

Мадам Бранден издает радостный крик и бросается к мужу. Имея все основания опасаться жены, Бранден обращается в бегство. Мадам Бранден, а вслед за ней все горожане, вместе с кинематографистами и шулером кидаются вслед за ним. Шулер гонится за Бранденом с картами в руках.

Брандена настигают.

Увидя, что от жены ему не уйти, он закрывает голову ру-

ками.

Жена обнимает его. Бранден поражен.

Ему жмут руки. Он ничего не понимает.

Его снимают. Он только растерянно вертит головой.

Портной-философ неторопливо обмеривает его со всех сторон. Удивленный, он молчаливо подчиняется. Он покорно поднимает руки, расставляет ноги, делает все, что полагается делать на примерке.

Репортер. Что вы при этом почувствовали?

Писанли. Господин Бранден, вам не нужен тихий, спокойный, непьющий, получивший низшее и среднее образование, симпатичный и честный, средних лет, глубоко интеллигентный управляющий финансами?

Шулер. Пойдем, тут прямо за углом посидим, выпьем по рюмочке, перекинемся в картишки, а?

Нервно тасует карты.

Кинооператор. Стоп, стоп. Тише. Теперь он пусть что-нибудь скажет.

Писанли. Скажите ему что-нибудь. Иначе он не отвяжется.

Бранден. Что я должен наконец сказать?

Писанли. Скажите ему, как вы выиграли пять миллионов?

Бранден. Откуда вы взяли! Ничего я не выиграл!

Писанли. Выиграл, выиграл! Я же по глазам вижу.

Бранден. Оставьте меня, пожалуйста, в покое!

Кинооператор. Ух, какой хитрый! *(Бешено накручивает.)*

Вот это актуалите!

Бранден. Дане выиграл я, не выиграл. (*Портному.*) Что вы меня обмериваете? Что, вы мне гроб хотите заказать?

Обозленный, расталкивает толпу.

Писанли. Одно из двух. Если не Бранден, значит – Лево. Слушайте, господин Лево, вам не нужен толковый, талантливый, со средним и высшим образованием, непьющий приват-доцент на должность кассира? А то растащат все до копейки. Увидите, все растащат. У Бонура уже все порастаскали.

Лево. Опять на меня! При чем тут я?

Писанли. Если не вы, значит – Бранден!

Бранден. Бросьте эти дурацкие штуки. Нет у меня ни копейки!

Мадам Бранден. Где ж ты в таком случае пропадал?

Бранден молчит.

Мадам Лево. А где ты гулял, голубчик? Лево молчит.

Писанли. Темнят, темнят! Скрывают! До чего люди стали хитры! Один из них безусловно выиграл! О чем говорить! Снимайте обоих вместе. Потом в лаборатории разберете, кто из них настоящий.

Но политические враги не обнаруживают никакого желания приблизиться друг к другу. Писанли подталкивает их. Они упираются.

Кинооператор. Ближе, ближе! Я иначе не могу снимать.

Игра продолжается. Их сводят, они расходятся.

Лево (*шепотом жене*). Зачем мне сниматься? Клянусь тебе, что я ничего не выиграл.

Мадам Лево. Значит, выиграл Бранден?

Лево. Значит, выиграл Бранден.

Мадам Лево. Теперь он нас погубит. Нужно мириться.

Лево. Я не буду мириться с этим негодяем.

Мадам Лево. Человек с пятью миллионами не бывает негодяем.

Шулер. Господин Бранден, снимайтесь, потом пойдем поиграем, у меня случайно с собой карты.

Бранден (*жене*). Чего они меня толкают! Я ничего не выиграл. Ты-то мне можешь поверить.

Мадам Бранден. Какое несчастье! Значит, выиграл Лево?

Бранден. Только он. Он куда-то сегодня ездил.

Неожиданно улыбаясь, подходит к своему врагу.

Лево с искательной улыбкой, но немного неуверенно, тоже движется ему навстречу.

Кинооператор. Вот, вот, еще ближе, еще, еще!

Бывшие враги сходятся и здороваются с необыкновенной учтивостью.

Лево. Я давно хотел вам сказать...

Бранден. Ясам хотел...

Лево. Я давно уже мечтал...

Бранден. Вот именно мечтал...

Лево. Разве дело в миллионах, господин Бранден?..

Бранден. Дело в дружбе, господин Лево.

Лево. Золотые слова. Вы вообще оратор замечательный.

Бранден. Ну какой же я оратор! Вот вы оратор. Я помню, какую трогательную речь вы произнесли на открытии скорой помощи. Вас забросали венками.

Лево. Но ведь идея скорой помощи принадлежит вам, господин Бранден.

Бранден. Нет, нет, только не мне. Вам, исключительно вам, господин Лево.

Лево. Вы знаете, в последнее время мне как-то стали очень близки идеи вашей республиканско-радикальной партии. Даже ближе, чем идеи радикальных республиканцев, честное слово.

Бранден. Это просто удивительно. Со мной происходит то же самое.

В продолжение разговора они, взявшись под руки, прогуливаются. За ними неотступно следует толпа. Когда они останавливаются, останавливаются все. Только они начинают двигаться, за ними двигаются остальные. С последней репликой они, уступая место друг другу, входят в дверь «Веселой устрицы».

Толпа следует за ними, все рассаживаются за столиками. На первом плане остаются Писанли и шулер.

Писанли. Одно из двух – либо выиграл Лево, либо выиграл Бранден. Если выиграл Лево, это уже хорошо. А если выиграл Бранден, то это еще лучше.

Та же площадь между «Другом желудка» и «Веселой уст-

рицей».

Посреди площади новый столб с большой таблицей:

ОБЪЕДИНЕННАЯ СКОРАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ, УЧРЕЖДЕННАЯ ТЩАНИЕМ г.г. ЛЕВО И БРАНДЕНА

Кошка г. Брандена и собака г. Лево кротко лакают из одной мисочки.

Старый Мак-Магон, заливаясь дружелюбным смехом, вместе с Тити вертит одну мороженицу.

На стене заведения Лево висит афиша:

На выборах мэра голосуйте за лучшего гражданина нашего города г. Виктора Брандена. Это вам говорит старик Лево. Огюст Лево.

Рядом с ней другая афиша:

ГРАЖДАНЕ!

Если вам дорого благо общества, голосуйте только за старика Лево.

Виктор Бранден.

Предводимая любительским оркестром, направляется в мэрию свадебная процессия Андре и Люси. Молодые люди счастливы.

Бережно поддерживая друг друга, за ними идут государственные мужи.

Писанли – шафер.

На лицах жен государственных мужей можно легко прочесть, что обе они довольны выгодной сделкой. Идут расфуфыренные гости. Кинооператоры снимают торжество. Репортер делает заметки в записной книжке. Процессия входит в здание мэрии.

Площадь совершенно пуста.

Раздаются громкие и разнообразные звуки автомобильных сигналов, и на площадь быстро въезжают четыре автомобиля.

В первом из них, длинной и дорогой легковой машине, развалившись на роскошном сиденье, полулежит с сигарой в зубах уже известный нам мелкий парижский служащий, выигравший пять миллионов франков. Он во фраке и цилиндре. (Так и ехал.)

Второй автомобиль, небольшой автокар, битком набит парижскими [.?.], вывезенными, как видно, целиком из какого-нибудь кабаре.

В третьей машине, грузовике, помещается походный бар со стойкой. Там сидят скупающий гарсон с подносом и салфеткой и бармен, сбивающий коктейли.

В четвертой машине сидит негритянский джаз из шести человек.

Кортеж останавливается у бензиновых колонок. Шоферы гудят, вызывая людей, но никто не появляется. Миллионер (*кричит*). Гарсон!

Гарсон сейчас же выскакивает из грузовика и мчится с бокалом шампанского.

Миллионер выпивает шампанское, вылезает из машины и начинает разгуливать по площади небрежно-развинченной походкой.

Шоферы гудят. Никто не выходит.

Девушки щебечут в своем автокаре.

Но вот двери мэрии открываются, и оттуда появляется процессия. Впереди – молодые. За ними – Лево и Бранден.

Миллионер с трудом прилаживает к глазу монокль и презрительно смотрит на процессию.

Миллионер. Гарсон!

Гарсон немедленно подносит шампанское.

Миллионер. Здоровье новобрачных! (*Пьет.*) Горько.

Молодые целуются.

Миллионер (*кричит*). Джаз!

Негры играют.

Миллионер. А теперь танцы. У нас на каждой остановке танцы. Уже шесть раз после Парижа танцевали. Могу я себе позволить!..

Девушки отплясывают.

Жители города поражены до глубины души.

Миллионер. По местам!

Гарсон и девушки занимают места. Шоферы кончают набирать бензин.

Миллионер (*обернувшись с подножки автомобиля*). Что

это за город такой странный?

Писанли (*почтительно приближаясь*). Бург-сюр-Орм, ваше высокопревосходительство.

Миллионер. З-знакомое наз-звание. Что-то я про него слышал. Он чем-нибудь прославился?

Писанли. А как же. Ведь тут человек выиграл пять миллионов и пожелал остаться неизвестным.

Миллионер. Что? Что? (*Вспоминает.*) Бург-сюр-Орм!.. А-а-а... (*Заливается страшным смехом. Это почти припадок.*) Вспомнил! Поздравляю вас! Человек, пожелавший остаться неизвестным, это я! Пять миллионов – это тоже я. Правда, уже осталось четыре, но это чепуха. А что касается города, то я пошутил, господа. Неужели вы приняли всерьез? Могу я себе позволить невинную шутку?

Мэры каменеют.

В толпе – смятение. Кинематографисты бросаются снимать миллионера.

Шулер вскакивает на подножку.

Шулер. Разрешите представиться. Граф Пикардийский, последний отпрыск благородного рода.

Миллионер. Ах, как я рад, граф! (*Жмет ему руку.*) Я так давно хотел познакомиться с настоящим аристократом и именно графом. Едем со мной! А, граф! Едем! По дороге поиграем в картишки. А? Едем! Я угощаю.

Шулер, ловко и бесшумно, как хищник, прыгает в машину.

Играет джаз.

Миллионер машет на прощанье рукой. Машины трогаются.

Кинооператоры приспособили в качестве передвижки скорую помощь Лево и катят за миллионером, бешено крутя ручки аппаратов.

Блестящее видение скрывается.

Лево и Бранден все в том же горестном окаменении.

Лево (*Брандену*). Значит, вы не выиграли?

Бранден. Позвольте, ведь вы же выиграли!

Лево. Если вы не ездили в Париж за выигрышем, то где вы были?

Бранден. А вы где были, если не ездили в Париж?

Появляется полицейский с Лилиан и воров, у которого в руках две пары штанов.

Бранден. Мои брюки!

Лево. Мои брюки!

Полицейский отдает каждому по паре.

Мадам Бранден. Так вот где ты был!

Бранден (*Лево*). Так вот где вы были!

Лево (*Брандену*). А вы где были?

Мадам Лево (*мужу*). Нет, ты лучше скажи, где ты был?

Бранден машинально запускает руку в карман штанов и находит там донос, написанный Лево.

Аналогичный донос Лево находит в своем кармане.

Бранден. Это вы писали?

Лево. А это вы писали?

Бранден. Мерзавец!

Лево. Негодяй!

Оба хватаются за сердце.

Жены их растаскивают.

Тити дает пинок Мак-Магону.

Старик успеваает дать сдачи.

Собака Лево гонится за кошкой Брандена.

Война возобновляется по всей линии.